

в немилость, Панин пользовался уважением, доходившим до обожания».⁵

Как представляется, именно в конце лета — начале осени 1775 г. конволют был подарен В. И. Майковым П. И. Панину. Ввиду последовавшего затем отъезда П. И. Панина в свои вотчины поднесение книги в 1776 г. маловероятно, что позволяет датировать отдельное издание «Оды о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» В. И. Майкова (как и ответ на нее) 1775-м г.

⁵ *Лебедев П.* Графы Никита и Петр Панины. СПб.: «Общественная польза», 1863. С. 225.

Н. П. М О Р О З О В А

**РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ XVIII ВЕКА
В БИОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ**

Одним из интересных источников для изучения проблемы «писатель и общество» могут служить биографические предания о русских писателях XVIII в. Существовая на грани устной и письменной культуры,¹ эта литературная форма отразила важные моменты истории восприятия русским обществом XVIII столетия личности писателя.

Петровская эпоха, отводя в иерархии своих важнейших дел скромное место литературному труду, оставила немногочисленные предания о жизни занятых им людей. Одно из них рассказывает о переводчике Волкове, которому царь «задал огромную работу — именно переводить «*Le jardinage de Quinity*». Хотя Волков был человек очень способный, но все-таки этот труд был ему не по силам: в сочинении на каждом шагу попадались французские технические выражения, совершенно неизвестные в русском языке. Отчаяние овладело переводчиком, и он, перерезав себе артерию, прекратил таким образом жизнь».²

Предания о переводчиках — основном типе литератора Петровской эпохи — явление крайне редкое. Отсутствие интереса

¹ См.: *Дрובה Н. П.* Биографические предания о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление // Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII — начало XIX в. // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13. С. 275—283.

² *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 226.

к жизни людей данной профессии в эпоху Петра, по-видимому, объясняется главным образом характером общественной репутации переводческой деятельности в то время. Любопытно с этой точки зрения известное доношение Петру I оскорбленного Ильи Копиевского, сознававшего «престижность своего труда»: «По указу твоего пресветлейшего царского величества, написал я воинских дел промыслы некоторые и статьи к ним, но не можно было совершенного толкования в статьях скорым делом написать, потому что переводчик, который имелся делать приправы воинския, отъехал был в Бруксель. Обаче же подражая древних монархов и храбрых воинов помыслы, вся совокупил во едино и, запечатовав, вручил я великому боярину Федору Алексеевичу. А мне подьячий Михайла Ларивопов отпечатованныя — па укоризну приведши мя в поварю — пред всеми отдал мне, аки бездельницу какую, поругаяся ми, сказал: у нас-де промышленных людей на Москве стегают. . .»³

Иным было отношение к крупнейшим духовным писателям того времени — Стефану Яворскому и Феофану Прокоповичу. Независимо от статуса писателя, они были в глазах современников прежде всего видными деятелями церкви, лицами историческими. Культурная традиция позволяла отражать в предании любопытные обстоятельства их жизни. Однако, видимо, именно писательская ипостась бытия определила амплуа острословов, которым наделены Стефан Яворский и Феофан Прокопович как герои немногочисленных преданий. Одно из них рассказывает об остроумном ответе Стефана Яворского Петру I, пожелавшему узнать, в чем отличие чудотворного образа от нечудотворного, «ибо они одинаково писаны». Находчивый Стефан ответил, что повседневная шляпа государя и та, которая прострелена пулей в Полтавском сражении, тоже «одной шерсти и суть дело рук человеческих. Но великое между ими различие: шляпа, которая была на голове Великого человека в вечнопамятный день для России, и простреленная пулей заслужила пред другими шляпами отличие и почтение».⁴

Подобные предания сложились во многом под влиянием фаций с сюжетной схемой «монарх и поэт», где, по наблюдению А. М. Панченко, победа остроумного поэта над монархом была победой «шута, который по должности говорит хозяину смешные колкости и зарабатывает насущный хлеб веселыми апофегмами».⁵ Существенную роль сыграло и хорошо знакомое русскому читателю «Езопово житие» — легендарная биография, составленная в значительной степени из анекдотов об остроумии поэта.⁶

³ Там же. С. 521—522.

⁴ *Кашин Н. И.* Остроумный ответ Петру Первому архиерея Стефана Рязанского // *Русский вестник*. 1808. Ч. 4, № 10. С. 45—47.

⁵ *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 175.

⁶ Публиковалось в качестве приложения к басням Эзопа. (М., 1712; СПб., 1747 и др. изд.).

Отмеченное амплуа оказалось доминирующим в восприятии личности писателя русским обществом первых десятилетий XVIII в. Олицетворением фигуры шута в эпоху Анны Иоанновны по воле монархини стал В. К. Тредиаковский. Трагическое участие в шутовской свадьбе послужило позднее основой роковых для литературной репутации поэта преданий.

Основной причиной их возникновения, по-видимому, была изданная в 1766 г. и встревожившая Екатерину знаменитая «Тилемахида». «Критика и оппозиция монархии, пасифистские идеи и утопические уроки Фенелона, переведенные Тредьяковским, не только обидели Екатерину, но показались ей прямо опасными, так как через издание „Тилемахиды“ входили в общественное обращение. . .»⁷ Императрица прибегла к самому действенному оружию полемики — смеху («в Эрмитаже установлено было шуточное наказание — за легкую вину выпить стакан холодной воды и прочесть из Тилемахиды страницу; а за важнейшую — выучить из оной шесть строк»).⁸ В числе других средств воспользовалась Екатерина и принципом «опровержения мыслей противника посредством опорочивания его как личности».⁹ Появляются разнообразные анекдоты о поэте. Они разрабатывают и пародируют восходящий к делу Волинского мотив «битого и униженного Тредиаковского». Одно из преданий рассказывает, как поэт пропел анакреонтическую песню императрице Анне Иоанновне, «стоя у камня на коленях перед нею, за что в вознаграждение имел счастье получить от державной ей руки всемиловитейшую оплеухину».¹⁰

Заметным явлением культурного быта предания о писателях становятся в эпоху классицизма. Эстетика этого литературного направления создает определенный идеал писателя, от которого требовались широкая эрудиция («надобно обо всех науках иметь довольное понятие, а во многих совершенное знание и искусство. . .»), основательное гуманитарное образование. Доминантой писательского самосознания была объявлена идея общественного служения. «В безделицах я стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу, перстом измеряющего людские пороки», — писал Г. Н. Теплов в известной статье «О качествах стихотворца рассуждение».¹¹ Перед литературой ставились высокие учительные задачи. Писателю отводилась роль «духовного наставника» общества. Однако стать им в глазах последнего ему удалось не сразу.

Реальные взаимоотношения писателя и русского общества 1750—1760-х гг. по-прежнему складывались, как правило, иначе.

⁷ Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 23—24.

⁸ Евгений [Болговитинов Е. А.]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2. С. 221.

⁹ Панченко А. М. Указ. соч. С. 40.

¹⁰ Батюши-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей земли Русской. М., 1836. Т. 5. С. 150.

¹¹ Ежемесячные сочинения. 1755. Май. С. 390.

Помимо анекдотов о Тредиаковском одной из форм проявления подобных взаимоотношений стали и биографические предания об А. П. Сумарокове, сыгравшие решающую роль в создании литературной репутации писателя. Они реализуют все тот же принцип опровержения «мыслей противника посредством опорочивания его как личности», которым в совершенстве владела Екатерина. Обращение к этому средству было реакцией на идеологические установки А. П. Сумарокова. «Еще из корпуса он вынес высокое и совершенно нереальное представление о достоинстве дворянина, человека, рожденного для служения отечеству, чести, культуре, добродетели < . . . > Жизнь постоянно и упорно разбивала его мечты. Дворянство не хотело ни культивироваться, ни исправлять свою мораль < . . . > он громко проклинал самоуправство, взятки, дикость общества; дворянское общество мстило ему, выводя его из себя, издеваясь над ним».¹²

Сюжетной основой большинства преданий о Сумарокове служит какая-то конфликтная ситуация, ярко проявляющая его характер. Предметом иронии чаще всего оказывалось авторское самолюбие писателя. В качестве примера можно привести рассказ о посещении Сумароковым библиотеки Троице-Сергиевской лавры. Не увидев здесь своих сочинений, писатель «подходит к библиотекарю и говорит ему с некоторым неудовольствием: „Что это значит, что здесь нет моих сочинений?“ — „Они не могут быть в нашей библиотеке, ваше превосходительство!“ — отвечает ему хитрый библиотекарь. „Как? Почему?“ — „Потому что у нас сочинений ваших только один экземпляр; студенты и даже учителя беспрестанно читают их; и так они переходят из рук в руки и не возвращаются в библиотеку; прочтет один, читает другой, потом третий. . .“ — „Хорошо же, так я пришлю десять экземпляров“. Библиотекарь поклонился, и на другой же день библиотека Троице-Сергиевской лавры увеличилась десятью экземплярами сочинений А. П. Сумарокова».¹³

Мишенью для насмешек служило и бытовое поведение писателя, отраженное, в числе многих аналогичных, следующими преданиями: «Однажды в деревне, погнавшись со псагою в руках за своим камердинером, чем-то его раздражившим, он до того был ослеплен своею запальчивостью, что не заметил, как попал по пояс в воду, в небольшой прудик, через который ему пришлось преследовать беглеца. В другой раз, в Москве, на святой неделе он прибил звонаря, который надоел ему, и, наконец, один знакомый, войдя к нему в кабинет, застал, что он, как сумасшедший, гонялся за мухами, которые мешали ему писать».¹⁴

В начале XIX в. предпринимались попытки восстановить авторитет Сумарокова в глазах нового читателя. Появились

¹² Гукоевский Г. А. Сумароков и его литературное окружение // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 352.

¹³ Благонамеренный. 1824. Ч. 25, № 1. С. 54—56.

¹⁴ Сумароков П. Отрывок из биографии А. П. Сумарокова // Московский городской листок. 1847. № 79, 12 апр. С. 317—318.

рассказы о добродетельных поступках писателя, свидетельствующие о том, что он был «так же пылок в порывах добра и благотворительности, как в порывах гнева». Однако существенно изменить его литературную репутацию не удалось. В первой половине XIX в. Сумароков становится «не в меру униженным писателем». Основную причину подобного отношения В. Г. Белинский видел в том, что «Сумароков уронил себя в потомстве более всего своим характером мелочным, самолюбивым, наглохвастливым».¹⁵ Именно такое представление о писателе было создано многочисленными преданиями, сделавшими в эпоху «забытой славы» Сумарокова несостоятельным по отношению к нему популярный тогда тезис (Бюффона): «Характер писателя весь в его творениях».

Этот феномен — во многом следствие свойственного русскому обществу середины XVIII в. и далекого еще от теоретических установок классицизма отношения к личности писателя и литературному труду.

Эстетика сентиментализма создала свое представление о писателе. Размышляя на эту тему, Н. М. Карамзин писал: «Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, пронизательный разум, живое воображение и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце. . .»¹⁶

Биографические предания о русских писателях эпохи сентиментализма, возникавшие, как правило, в дружеском литературном окружении писателя, в значительной степени иллюстрируют приведенную выше мысль Н. М. Карамзина.

В качестве примера можно рассмотреть анекдоты об И. Ф. Богдановиче. Для читателя XVIII—начала XIX в. он был «русским Лафонтеном» («Вот Русский Лафонтен, нежнейший Ипполит, Который Душенькой всех души веселит»)¹⁷ Семантика этой стереотипной для литературного сознания XVIII в. формулы на исходе столетия стала более емкой, означая не только сопоставимость творчества двух писателей, но и их литературных репутаций.

Жизнеописания «добрého Лафонтена», на которые во многом ориентированы предания о И. Ф. Богдановиче, включали анекдоты, подобные следующему: «В жизни Лафонтеновой, кроме различных черт душевного его свойства, находим мы мало достопамятного. Он не имел присутствия духа, и это его слабость; равным образом невинная простота и тихость ему свойственны. В то время, когда он прослыл уже писателем, пригласил его один из главных казенных откупщиков к себе на ужин, думая, что гостям приятно будет быть с таким великим человеком, который написал столь хорошие басни и столь приятным слогом. Но после ужина увидели, что он за столом ничего почти не гово-

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1956. Т. 10. С. 490.

¹⁶ Карамзин Н. М. Что нужно автору? // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Л., 1964. Т. 2. С. 120.

¹⁷ Друг просвещения. 1805. Ч. 1. С. 91 («Надпись к портрету И. Ф. Богдановича»).

рил. После обеда он встал и под предлогом идти в Академию хотел оттуда уйти; и когда хозяин его удерживал, говоря, что еще рано, то он сказал: так я для сего выберу туда должайшую дорогу».¹⁸

Аналогичные предания создавались и о Богдановиче. Они стали первостепенным источником для Карамзина в работе над статьей «О Богдановиче и его сочинениях» («С величайшею благодарностию автор воспользовался известиями, доставленными ему почтенным братом творца «Душеньки», Иваном Федоровичем Богдановичем, но прибавил к ним и некоторые анекдоты, слышанные им от людей, которые были коротко знакомы с покойником»), предопределив созданный в ней литературный портрет писателя. Ключевой элемент этого портрета — сопоставление с Лафонтеном: «К чести русских заметим, что молодые люди с дарованием всегда находили и находят у нас деятельное покровительство, особливо если нравственный характер их возвышает пену ума, как в Ипполите Богдановиче, который отличал себя и тем и другим, — а более всего милым простосердечием, свойственным любимцу Аполлонову. . .

Сын Фебов не рожден быть тонким знатоком
Обычаев, условий света;
Невинность, простота видна в делах поэта.
Ему вселенная есть дом,
Где он живет с чужими
Как с братьями родными;
Свободу и покой любя,
Не мыслит принуждать себя.

Некоторые поэты составляют исключение из сего правила; но таков был Лафонтен — и Богданович!»¹⁹

Располагая значительным количеством анекдотов о Богдановиче, Н. М. Карамзин редко использует в своей статье эту литературную форму. Большинство преданий лишь угадывается за текстом статьи, служит основой характеристик. К числу немногих исключений относится рассказ о пожаре «близ знакомого» Богдановичу дома: «Стихотворец наш, богатый единственно рифмами, не мог сыпать золота на бедных, но (как сказал любезный переводчик Греевой «Элегии»)

Дарил несчастных он чем только мог — слезою!

Приязнь находила в нем самую ревностную услужливость. Однажды ночью сделался пожар близ знакомого ему дома; он забыл крепкий сон молодого человека, дурную погоду, расстояние и в одном камзоле явился там предложить услуги свои. — Хозяин и хозяйка, столь любезные и почтенные, обходились с ним как

¹⁸ Нечто о славном г. Лафонтене / Пер. А. Лубкин // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 37. С. 86.

¹⁹ Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. С. 199.

с родным: он во всю жизнь сохранил к ним сердечную привязанность»²⁰.

Здесь реализован еще один конструктивный прием литературного портрета автора «Душеньки» — ориентация на героя русского сентиментализма.

Примечательно, что аналогичный эпизод присутствует в повести Н. М. Карамзина «Чувствительный и холодный» как одно из средств для характеристики Эраста: «Однажды дом, где они учились и жили, загорелся ночью: Эраст вскочил с постели не одетый, разбудил Леонида и других пансионеров, тушил огонь, спасал драгоценные вещи своего профессора и не думал о собственных. Дом сгорел, и Эраст, обнимая друга, сказал с великодушным чувством: „Я всего лишился; но в общих бедствиях хорошо забывать себя. . .“»²¹

Смысловое и эмоциональное поле статьи Карамзина создано системой примененных к Богдановичу этических оценок русского сентиментализма. Писатель видит в авторе «Душеньки» многие из тех качеств, которые воспитывала в читателях литература этого направления:²² «чувствительность», т. е. развитое нравственное начало — неспособность к обману, низким поступкам, умение сострадать, ощущать чужую боль, ценить чувство любви и дружбы, родственные отношения; склонность к уединению, любовь к чтению. Для поэта-сентименталиста — это еще и стремление к творческой независимости, желание писать лишь по велению сердца. Основываясь на предании, Н. М. Карамзин рассказывает о жизни Богдановича в пору создания «Душеньки»: «Он жил тогда на Васильевском острове, в тихом, уединенном домике, занимаясь музыкою и стихами, в счастливой беспечности и свободе; имел приятные знакомства; любил выезжать, но еще более возвращаться домой, где муза ожидала его с новыми идеями и цветами. . .»²³

Вслед за Карамзиным читатель увидел в Богдановиче тот «идеал, который создавался в литературе и не укладывался в существующий жизненный уклад».

Нравоучительное, воспитывающее начало выступает на первый план и в биографических преданиях о Хемнице, Капнисте, некоторых других писателях эпохи сентиментализма. Они изображаются чувствительными, добродетельными людьми. Писатель, таким образом, становится образцом для подражания.

²⁰ Там же. С. 200.

²¹ Карамзин Н. М. Чувствительный и холодный: Два характера // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 743.

²² См. Кочеткова Н. Д. Сентиментализм и Просвещение: (О преемственности идей в русской литературе конца XVIII—начала XIX века) // Рус. литература. 1983. № 4. С. 22—37.

²³ Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. С. 224.